

ТРОХИМЧУК АЛЕКСАНДР И ТАТЬЯНА

МОЛИТВА О СЕМЬЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Анатольевич Трохимчук Татьяна Вячеславовна Трохимчук Молитва о семье. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39409152

SelfPub; 2018

Аннотация

Александр Фомин, очередной "серийный попаданец" в 1937год. В предыдущей жизни в партиях не состоял, не привлекался, в "спецназах" замечен не был. Сразу забросить в 1941 год, за день до войны, совесть не позволила, дайте человеку хоть немного подготовиться. А потом развернемся не по-детски. Спасибо за Ваше внимание и деньги, которые мы собираем для достижения благородной цели – личного обогащения впечатлениями от путешествий по миру. В оформлении обложки использовано фото храма Василия Блаженного в Москве, автор Трохимчук Т. В.Содержит нецензурную брань.Содержит нецензурную брань.

Содержание

День первый	4
День второй	10
Окончание каникул	14
Приятное знакомство с НКВД	18
Допрос	22
Психушка?	28
Друг	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

День первый

"А дом наш и всех живущих в нем
огради от огненного запаленья,
воровского нападения
дьявольского наваждения."

Говорят, если природа дает нам слишком много чего-то, то в остальном она отдыхает. Зовут меня Александр, сколько мне лет, не знаю. Обычная внешность, силища Ильи Муромца, добрейший характер. И самое главное – я идиот. А что вы хотите. Если бы вам так прилетело по голове, то Эйнштейном уже не быть. Дети жестоки, взрослые жестоки. Весь мир по отношению к вам жесток. До поры до времени я это не понимал, да и не помнил. Изменилось все это в один день, который как всегда начался вечером. Знаете, так и слышу ехидный голос за спиной: – Что второй кирпич по голове прилетел?!

Новый год он и в Африке Новый год. Апельсины, мандарины, разрешенный взрослыми глоток шампанского, помните, как в детстве? А еще оливье с тортиком, селедочка малосольная, да под водочку. Это уже по – взрослому. Все это было в гостях. Много водки, много еды. Зачем я после селедки тортика нажрался – до сих пор не знаю. Но слово, данное второй половине – сдержал. Хотя до " мордой в салат"

оставалось совсем чуть-чуть. Наша с женой квартира была недалеко, в десяти минутах ходьбы на свежем морозном воздухе, здорово! Легковушку – иностранца я заметил боковым зрением поздно, но кто ж знал, что именно в этот вечер нужно было вести здоровый образ жизни? Шевроле выскочил на тротуар и врезался в остановку. И слава Богу там не было людей.

Жене крикнул:

– Стой на месте, – уже на бегу.

А если честно, то нужно быть быстрее жены, а то пива утром не будет. Шевроле загорелся сразу. Подбежал к машине, сорвал ногти на руках, но дверцу открыл. Детей вынести успел. Взрослых, может это родители – нет, остались в машине...

На второй ходке волна жаркого воздуха ударила в лицо, меня отбросило в сторону. Сознание потерял сразу, ничего не успел понять, подумать, удивиться не успел. Если у вас был такой опыт, вы понимаете, о чем говорю.

Когда я пришел в себя... Я бежал?! Бежал по пыльной дороге, мелкие камушки не доставляли мне неприятностей. Знаю – надо бежать! А куда, зачем – Бог его знает. Бежать быстрее ветра – что может быть лучше? Штаны закатанные выше колен, рубаша косоворотка. А где же Новый год, мороз честно заработанное пиво в присутствии жены любимой?

– Кто я?

Нет не так.

– Где я?

После осознания всего этого вырубился еще раз. Сажу на обочине грунтолки и пытаюсь понять что-нибудь. Возле меня пруд под зелеными ивами. Шикарное место! Сюда б с друзьями, да на шашлычки, да под водочку, знаете такая шоб тянулась!

Господи, да какая на хрен водка с шашлыками. Допился уже! Я ж попал в такую жопу. А куда я попал? Мама родная, роди меня обратно!

Где я?! Ну то, что я не Леонид Ильич и не перед Дворцом Съезда – хорошо понимаю. Юмор не позволит сойти с ума.

А может я сошел с ума? Лежу где-нибудь в больничке, пристегнутый и привязанный. И кормят меня такого послушного с ложечки галоперидорчиком или чем там кормят, а может опыты ставят. А я ж ни хрена не осознаю.

Да, юмор, это хорошо, но великий и могучий тоже помогает.

Вот же б***ь !!

Какая сука меня сюда всунула? И за шо? За мной геройский поступок! Правильно Шапокляк говорила "хорошими делами прославиться нельзя". Мои печальные размышления прервал старушечий голос:

– Что Сашенька, опять потерялся? Ох, горюшко мамино. Ну пошли, родной, отведу тебя, не в первой уж.

Смотрю, старушка-божий одуванчик, откуда-то нарисовалась и не сотрешь уже. Спокойненько так берет меня за руку,

уверенно, и не боится!?Пошли мы. Куда пошли, а откуда я знаю? А бабушка " божий одуванчик" идет и причитает:

– Вот опять изгваздался весь, вон, рубаха порвана. Ох, горюшко мамино. Боженька, видишь, как распорядился – то!

– И не говори, добрая женщина, – это уже я вставил свои пять копеек. Самому интересно, за шо это мне?

Бабулька внезапно остановилась и с выражением чрезвычайного изумления на лице от только что произошедшего Божьего чуда и никак не меньше, уставилась на меня.

Пауза по Станиславскому начала меня уже напрягать.

– Ну шо стоим? Пошли бабушка!

Мне ж очень интересно, куда это я попал?

Дальше шли уже молча. Село оказалось рядом, за небольшим леском. Бабушка, кстати, странно одета, не монашка, но похожа. Голова покрыта темным платком, черная юбка в мелкий цветочек. Очень странная одежда. А село как село, только старинное какое-то. Вон на столбе тарелка репродуктора – такое только в кино видел. Но когда" оно " начало говорить, я чуть не присел от страха.

И что говорить!

– Товарищи! Слово предоставляется всесоюзному старосте, товарищу Калинину!

Рядом аккуратное строение клуба или изба-читальня, откуда мне знать, как правильно. С красным знаменем, с портретом вождя и учителя всех времен и народов, товарища Сталина. Иду молча, а если еще и накормят, то вообще сми-

рюсь с окружающей суровой реальностью.

– Ну, вот и пришли, – оживилась бабушка, подводя меня к дому. Моему?

– Посиди, Сашенька, на скамеечке, сейчас мама со школы подойдет.

И так быстренько куда-то исчезла. Сажу, смотрю на дом. Настоящий, деревянный сруб, аккуратно побеленные бревна. Вишня здоровая во дворе, колодец рядышком. Испил водички, именно так – испил! Вода холодная, аж зубы заломило. А вкусная – зараза! А воздух!

Ну вот, что-то хорошее, бонусы так сказать пошли. Посажу еще, подумаю. К чему-то надо прийти, иначе с ума сойти можно или, начитавшись альтернативки, уже сошел? На свои руки, ноги боюсь смотреть. Воду пил, глаза зажмурил, чтобы себя "нового" не увидеть.

Жду. Как говорил мой знакомый:

– Я за любой кипиш, кроме голодовки.

– Сашенька, куда ж ты пропал?

Все же интересно – я пропал или попал?

Рядом со мной стояла искренне обеспокоенная женщина, средних лет, в очках. Похожа на учительницу.

– Давай неряха умыться, рубаху чистую надень. Собрание закончится, люди выйдут, неудобно будет.

Это она так объяснила отсутствие массовки.

– Откуда выйдут? – Заинтересовало меня.

– Из клуба, сынок.

И опять пауза по Станиславскому. Со мной, как с трех-летним ребенком сюсюкают, странно все. Глянул на свои руки, Господи, кулак вон с голову доброго «пионера».

Внутри дома чисто и опрятно. Две комнаты. В первой печь и полати или это по-другому называется. Фотографии на стенках в деревянных рамках. На центральной – мужик с девушкой, еще молоденькой. Это мои родители?

Мужик в форме командира Красной Армии, в богатырке с " разговорами" на груди. Под фото шашка или сабля – не разбираюсь я в холодном оружии ни разу, в отношении огне стрела немного легче.

Разглядывание дома закончилось быстро. Мать поставила на стол скворчащую сковородку с яйцами, салом. черный хлеб. Крынку с кислым молоком. Когда она это успела? Было такое ощущение, что впервые так вкусно ем.

– Сынок, завтра сходим в больницу, к доктору, а сейчас ложись отдыхай.

– Хорошо мама, спасибо.

А что еще говорить? Да и говорить нужно осторожно, слишком внимательно на меня смотрят. Перед тем как уснуть, бросил взгляд на перекидной календарь. 1 мая 1937года. Занавес!

День второй

Поход в больницу оказался весьма познавательным. Не бедное село, люди живут неплохо, а ведь помню по истории голодомор, НКВД свирепствовало, "чистки" в армии, партии, миллионные толпы осужденных. Но встречные люди были приветливы и никак не походили на запуганных и угнетенных серпом и молотом. Таких радостных лиц очень мало было в моей прошлой жизни. Вспомните сами. Едешь в маршрутке на работу, такое ощущение, что половина народа едет на похороны, а вторая с них возвращается и редко кто улыбнется. А если улыбнется, тут два варианта, либо пьяный, либо "идиет". Может мне или нам не ту историю рассказывали?

Второй день живу в этом мире, надо определиться с географией. Говорить с доктором осторожно и не дай Бог правду, а то Гулаг какой-нибудь или психушку сам себе обеспечу. Новая больница, на вывеске сельский врачебный участок колхоза "Путь Ильича". А у нас все уже развалено, а то что работает, сокращается – реформа, однако.

Доктор оказался весьма интеллигентным человеком с чеховской бородкой, но без пенсне. Следующие полчаса осмотра в кабинете доктора меня прощупывали, простукивали, за чем-то смотрели горло.

– Ну, что я могу сказать вам, Мария Алексеевна. Если ска-

зять, что я удивлен – ничего не сказать. Конечно можно и нужно съездить в область к доктору, лечившего вашего ребенка, для более детального и серьезного обследования, но это ничего не изменит. Позвольте извинить меня – забегаю наперед. Перед собой вижу абсолютно здорового молодого человека. Поздравляю вас, это похоже на чудо!

– Скажите, Александр, что вы помните?

– Доктор. абсолютно ничего, но дискомфорта при этом не чувствую. Моя память ограничена двумя последними днями.

Ага, Расскажи тебе правду, где я могу оказаться?

– Настоятельно буду просить вас, и вашу маму рассказать свою историю болезни.

Да что же они на меня так смотрят?

Ну, что ж вот моя история.

Моя мама Мария Алексеевна учительница сельской школы русского языка и литературы, а также немецкого. Интересное сочетание. Все же неплохое образование получали в гимназиях.

Батя – командир Красной Армии, орденосец. Погиб в 1920 году в Средней Азии, басмачи уже раненного добились штыками. "Все ", что осталось от него – буденовка, шашка, да совместная с мамой фотография.

Моя мама получила приличное образование, из " благородных". Но госпожа любовь!

Влюбилась в представителя чуждого класса, который как

раз и занимался уничтожением " благородного " сословия. Репрессии обошли стороной – муж герой Гражданской... Позвольте представиться. Меня зовут Александр Фомин, 17 лет.

Здоровый бугай, думал старше. Три года назад получил чем-то тяжелым по голове, с тех пор с сознанием пятилетнего ребенка, ну и с соответствующими поступками и поведением.

На горизонте начинают появляться неприятности. А вдруг добыют? Позволить себе паниковать – сойдешь с ума. Надо принимать все, что происходит спокойно и как-то научиться с этим жить.

– Сашенька, если ты ничего не помнишь, придется заново учиться писать, читать.

– Как раз с этим проблем нет, и я хочу учиться дальше, мама.

Долго мы с мамой общались о жизни, о планах.

– У тебя прекрасный берлинский акцент, сын!

Японский городской, последние полчаса разговора общались на языке великого Гетте!

В прошлой жизни добросовестно и бесполезно учил английский. По-немецки знал Гитлер капут! Хенде хох! И все на этом. Кстати, что делать с Гитлером – буду думать о многом, о разном. О тех суках думать, которые развалили великую страну. А лекарство для них одно – свинцовые пилюли в лоб, предварительно намазанный зеленкой. Не садист же я,

надо чтобы инфекция в головной мозг не попала.

Окончание каникул

.... Следующие дни были заполнены работой. С руками слава Богу, в этой жизни оказалось все в порядке, росли откуда надо. Хозяйство у нас с мамой небольшое. За месяц отремонтировал старую баньку. В правлении выписали наряд на лес. Познакомился с Петровичем, лесником местным. В колхозную полуторку за раз все не влезло, пришлось делать две ходки. Удивительно, но за это не взяли ни копейки. Правда, матушка приготовила пару бутылок казенки. Жидкая валюта во все времена – классика жанра. Мир вокруг меня становился шире. Приходили школьные друзья, знакомились заново. Нормальное человеческое общение – то, что в моей прошлой жизни мы потеряли. Мы много чего потеряли....

Раненько каждое утро бегал на речку купаться. Холодно от студеной воды, но бодрит, однако. Мои самые замечательные в жизни каникулы закончились быстро.

Подбегая к речке, почувствовал запах табака и перешел на шаг. Не испугался, но бдительность проявил. Может мужики по зорьке да на рыбалку. Два мужика добротню одетые, в хороших сапогах. А я все босиком бегаю – непорядок.

– Ну шо, красножопый, добегался?

Когда в тебя тыкают обрезаем, говорить о добром и вечном не хочется. Каюсь, сблелнул и в животе противно стало.

– Дяденьки, я не добегался, я еще побегаю.

Пытаюсь отыграть ситуацию.

– Гы-гы, – старшему понравилось, на мгновение его взгляд ушел в сторону.

– Федька, б***ь, кончай его, твой п***б, доделай.

Рука младшенького потянулась к сапогу, блеснула сталь ножа. Господи, то меня по голове бьют, то каким-то дурацким свинорезом пугают. Наверное, в такие моменты время замедляется, меняется сознание. Первым убиваю старшего. Обрез, сука, отдавать не хотел. Отвожу руку бандита в сторону, перехватываю ствол, треснули пальцы уроды. Бью в шею, раздаётся выстрел. Брызги крови, ошметки костей и чего у него там еще в голове. Не успеваю уйти в сторону, нож полоснул по щеке. И младшенький – активная сволочь, бил бы в корпус, шансов у меня не было бы. Ни разу я не Брюс Ли, танцевать с тобой не буду. Шаг навстречу, пропускаю младшенького мимо себя, локтем по затылку сбиваю с ног. Прыгаю на него, нет падаю и добавляю обрезом по голове.

Успокойтесь, лесные братья! Нельзя мешать людям заниматься здоровым образом жизни! Два трупа украсили утренний пейзаж. Если первый был мертв, ну не живут с половиной головы, то Феденька начал приходить в себя. Пришлось добавить ногой по ребрам. Раза два или три. Добить? Не-а, а поговорить? Связал Феденьке руки, одна была сломана и когда он успел? Осторожнее надо быть.

Оттащил обоих в сторону, произвел шмон, снял со стар-

шего сапоги – это ж мой размерчик. Итак, что я с этого имею, кроме нервов?

С огне стрела – обрез мосинки с россыпью патронов, наган 1935 г. выпуска, можно сказать новый. «Холодняк» в наличии, две штуки страшные с виду. Часы – серебряная луковица. Открываю, читаю надпись на крышке. Красноармейцу за храбрость, командарм 1-ой конной. Приметные часики. Кто же командарма 1-ой конной не знает? А вот это уже сложнее. Извечный вопрос – что делать? Притопить братцев в болоте? А выстрел. До заимки лесника не больше километра по прямой. Может не получится. Да и шлейф за ними приличный тянется.

Распикиваю по карманам патроны. Перезарядил обрез, проверил наган. Ну, что ж, на случай гостей незваных приготовился. А теперь душевно с Феденькой поговорить.

– Ну что, дорогой, балакать будешь?

Взгляд полный ненависти, таким убить можно или порчу как минимум навести. Харкнул в меня, не попал, а то бешенство еще подхватишь – а оно мне надо? Добавляю ногой по ребрам, опять чего-то трещит. Какой, однако хрупкий и ранимый организм попался мне под ногу. Поплыл бандюг. Не, так не пойдет – щас подлечим. Вгоняю нож в ногу неглубоко – я ж не садист ни разу, слегка проворачиваю. О, пришел в себя.

– Жаль мы тебя гада тогда не кончили.

– Расскажешь все, отпущу, бля буду. Только смотри не

продешеви.

Федот сдал место схрона.

– Еще!

– Чего тебе кроме денег?

– Кто еще с вами в кодле, я тут каким боком?

– Почтаря с оперком мы грохнули. Ты подвернулся под руки.

Свидетеля оставлять зачем? Думал убил, а ты живучий, сука!

– Лесник с вами?

– А, это еще один краснопузый, грохнуть надо!

Шо-то этому гаду не понравилось. Перед смертью мы все такими чувствительными становимся, ранимыми.

– Пообещал отпустить, значит отпущу. Одним слитным движением вырываю нож из ноги и бью под сердце. Быстрая, милосердная смерть. Как и обещал – отпустил....

Приятное знакомство с НКВД

.... Привожу все в исходное. Кладу тела рядышком, возвращаю ремень Федора на штаны. Не хватало, чтоб подумали о допросе. У меня есть два варианта. Первый – скрыть так сказать следы самозащиты или преступления и притопить все в болоте? Вместе с оружием, часами и прочим. В моем времени связываться с ментами для почек больно, да за превышение лет 5–7 дадут и не испугаются. А как здесь? Вариант второй – идти в органы – наган, наградные часы напяляют. Опять же звук выстрела могли услышать и может быть внимательные глазки доброжелателя за мной наблюдают?

Решено.

Примерил сапожки – это ж мой размерчик, портянки брать не стал – типа противно мне, а то, что весь в чужой крови – так это нормально. По лесу бегать босиком – не комильфо, однако. Экспроприруемой водкой запил "мудрое" решение. Полбутылки с горла успокоили маленько, а то колени начали трястись. Обрез в руки, наган за пояс, часы в карман и бегом к Петровичу.

А вот и изба Петровича, с крепким забором, собака здоровущая на цепи. Встал видать хозяин – на ночь пса отпускает. Как воспитанный человек, стучу обрезом в дверь.

Шум движения за спиной, оборачиваюсь, кисть правой

руки обжигает удар, обрез отлетает в сторону. На против меня стоит лесник и разглядывает меня с помощью двустволки.

– И тебе доброе утро Петрович!

– Доброе, Василий? – удивился.

– Петрович, ты мне сразу скажи, ты за Советскую власть? – пытаюсь сразу расставить все точки над и.

– За совецьку, совецьку. Батю твоего знал, вместе воевали. Но пушку свою не тронь!

– Да у меня еще одна есть, – поднимаю рубаху.

– Забирай, мне для хорошего человека ничего не жалко.

Петрович отпустил свою гаубицу и ничего отбирать не стал. А чтобы я делал, если бы он поступил по-другому?

– Помощь нужна Петрович, времени мало.

– Стреляли возле кладки Демьяна?

– Там, нужна подвода, так получилось – двоих я успокоил. Надо в милицию, а потом в район. – Ты пока умойся у колодца, рубаху я вынесу. Кроме рубахи вынес бутыль первача, шмат сала с хлебом. Хлопнули по стакану, захрустел вкусно чесночком с салом. Жизнь начала налаживаться.

В прошлой жизни убивать не приходилось, но запах чужой крови, дерьма уже никогда ни с чем не спутаю. Запах крови...

Еле успел отвернуть морду, а то испортил бы закусь... Погрузили тела разбойничков в повозку, сверху набросали свежескошенной травы, не надо людей пугать.

Наш участковый был еще дома, но одет по форме с нага-

ном в кобуре. Рано здесь народ встает. В суть дела врубился сразу – начал командовать.

– Я в правление звонить в район, будьте здесь.

К 11ти утра мы уже были в районном управлении НКВД, значит это дело его интересует. Думал обычная уголовщина – милиция заниматься будет. Лучше все же было притопить фигурантов в болоте и не связываться с грозной организацией. Но уже поздно батенька.

Кабинет следователя с двумя письменными столами, портретами вождя всех народов и железного Феликса. Решетки на окнах, громада сейфа в углу. Суровая обстановка, чувствуется опытная рука специалиста по фэн-шую...

Следователь за столом перебирает бумаги. Удивляюсь – идет выпадение из образа. Следователь – женщина, судя по петлицам – младший лейтенант НКВД.

Мужики, вот что вы будете думать, видя перед собой красивую женщину в форме?

Правильно, будете думать что-нибудь.

Вот и я расслабил булки, даже улыбнуться успел своей порезанной рожей.

В левом ухе резко дзенькнуло, ударом с левой руки бравый сержант отправил меня на пол. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Выпадение в осадок прервал дружеский удар сапогом по ребрам. Вежливо посадили на табурет. Улыбаться перехотелось совершенно. Ну блин, в рот бы тебе килограмм печенья! Думал баба, значит бить не будут! Бу-

дут, еще как будут! Стараюсь собрать мозги в кучу, настроиться так сказать, на конструктив. Всем своим видом подтверждаю преданность делу Ленина-Сталина.

– Давай, признавайся, контра недобитая!

Если я контра, то уже побитая. А если они так будут продолжать, то я во всем, что угодно, признаюсь. А может я действительно китайский и английский шпион, а по выходным дням подрабатываю на спецслужбы Гондураса! Мое чистосердечное признание в чем угодно было прервано появлением высокого начальства в чине капитана.

Допрос

Младлейка резко приняла позу для доклада. То бишь встала по стойке смирно.

– Товарищ капитан, произвожу допрос задержанного!

Это я задержанный?! Я ж как Павлик Морозов – лучший друг советской власти!

– Александр Фомин, 17 лет, житель поселка Светлый. Отрабатываемая версия – убийство своих поделщиков. Мотивы выясняем. Владеет как огнестрельным, так и холодным оружием. После подзатыльника конвоира ругнулся по-немецки.

Капитан скользнул по мне равнодушным взглядом.

Что ж за человек такой, перед ним знатный убийца, можно сказать передовик душегубцев – а ему похрен. И потом, это называется подзатыльник?

Нет, надо себя любимого спасать, иначе без меня светлое будущее построят!

– Товарищ капитан, разрешите обратиться?

НКВД-ник и на этот раз посмотрел на меня уставшим взглядом патологоанатома. Достал пачку папирос "Герцеговина Флор", тех, которые товарищ Сталин любит. Интересно так снял гармошкой гильзу папиросы, пыхнул пару раз.

– Ну. давай, излагай голубок.

– Сегодня утром, во время утренней зарядки подвергся

нападению бандитов. Они не ожидали отпора с моей стороны. Убил их же оружием. Первого с обреза мосинки, второго – его же ножом. Нападение произошло недалеко от лесничества. С помощью лесника и нашего участкового доставили трупы бандюков сюда, в район. Немецкий язык знаю в совершенстве, мама учитель немецкого. А батя... Батя погиб в Гражданскую, был красным командиром, орденосцем. И самое главное, перед смертью бандит указал место схрона, но как-то очень неопределенно, какие-то обрывки слов. Но думаю на месте смогу определиться. И время, товарищ капитан, время. Если есть сообщники – можем упустить.

Надо ли вам напоминать, что во время этой, не побоюсь этого слова, знаменательной речи, достойной самого Цицерона или Пифагора, с испуга все перепутал – я принял ту же позу для доклада. В конце моих слов живот предательски буркнул и громко так – от страха.

– Извините, товарищ капитан, есть хочу.

– Выезд через 15 минут. Товарищ младший лейтенант – усиленное отделение. Сержант, отвечаешь головой за этого пацана, да и дай ему перекусить, а то своим животом распугает всех врагов народа Советской власти.

Все засмеялись с облегчением. Служивый принес мне остывший, но сладкий чай, кусок хлеба с маслом. Не отказал себе в удовольствии сделать тюху с помощью ножа, он так и остался в сапоге – никто ж не обыскивал. Младший лейтенант глянула на сержанта ласково так, тому стало слегка не

хорошо.

Кстати, младшего лейтенанта зовут Виолетта Пантелеевна, ну это я забежал немного вперед.

Выехали быстро. Я в нашей колхозной машине, в кузове с двумя бойцами, в кабине водитель с нашим участковым. И как это наш участковый, здоровый такой дядька, туда всунулся? Кабина полуторки маленькая и неудобная, если водитель слегка упитанный, думаю больше 70 кг, управлять машиной неудобно. Капитан поехал во второй машине, с усиленным "дегтярем" отделением бойцов, вооруженных винтовками. Мужики все молодые, здоровые, морды хоть бери прикуривай. Вооружены довольно-таки серьезно для этого времени.

С кем это они воевать собрались? Ну допустим будет парочка бандитов. Или это понты перед местным населением? Дескать, сильна Советская власть, а НКВД – страшное, шо не дай Бог!

Я ошибался, думал весь экшн на сегодня лимит свой выбрал. Пулеметная очередь стеганула по нашей машине злым свинцом. Брызги лобового стекла, крови. Водитель и наш участковый навсегда остались в кабине. Полуторка съехала в кювет. Бойцы горохом посыпались из кузова, от неожиданности был последним, но убежать собрался дальше всех. Началась стрельба и с нашей стороны. Сориентироваться, взять себя в руки – жить то хочется. Наверное, от страха опять геройствовать начну....

– Живыми гадов брать! – подал голос капитан.

– Пулеметчик, ко мне!

Интересно б***ь, как их живьем брать?

Господи, теперь куда?

... У нас уже, как минимум, двое вышли из строя. Рядом уткнул голову в траву сержант. С правой стороны дороги подал голос "дегтярь", бил короткими, без нервов, отсекая гадов от леса. Ну что ж, этот день либо станет последним, либо изменит всю мою жизнь в этом мире. А вообще, где это мой мир и есть ли у меня выбор? Может моя прошлая жизнь – это моя фантазия. Еще раз умирать? Сознание потерять – очнешься в дурке, в смиренной рубашке с решетками на окнах и с добрым санитаром рядом!

Винтовка сержанта привычно легла в руки, как девушку, бережно прижимаю к себе, да я тебя всю жизнь родная искал! Отползаю в сторону, осторожно приподнимаю голову. На дороге перевернутая повозка, убитая лошадь, за ней ссадит по нам пулемет, щедро так. Рассчитывают побыстрячку отделаться, ведь преимущество на нашей стороне. Бандитов было пока четверо живых и одна из них женщина! Еще одна Анка-пулеметчица нашла. Удивительно, насколько активно участвуют женщины в общественной жизни!

А мне такие нравятся – денег добудут и меня защитят!

Грамотно двое прикрывают, двое уходят, меняются местами. Сдаваться в плен? После такой серьезной заявки? Только вышак им светит – какой нахрен плен. Может был бы у

них шанс, но уходить надо налегке, не с такими сидорами за спиной. Стреляю, подымаюсь, бегу к телеге. Споткнулся, упал и это спасло мне жизнь, услышал свист – значит не моя. "Подрываюсь" вперед, куда херачу сам не знаю – туда херачу, обеспечиваю психологический эффект. Первой закончилась Анка-пулеметчица. В тебя стреляют, ты стреляешь. И какая разница мужчина ты или женщина. Правда, все просто? Я за разумное равноправие, а феминистки с пидорасами меня еще в прошлой жизни достали. В нее я всадил остаток магазина. С диким ревом набрасывается на меня муж, любовник, брат и т. п., нужно подчеркнуть. Он в ярости забыл про свой ствол – ему надо задушить красноперого собственными руками, чтобы в глаза смотреть, страх видеть и ради этого, собственная жизнь – ничтожная плата! Швыряю "свету" ему в ноги, выхватываю свой засапожник и в этом момент его пальцы сцепляются на моем горле, такую хватку даже в смерти не разорвать. Одной рукой пытаюсь разжать его пальцы, другой бью ножом по голове. На третьем, пятом разе быстро попадаю рукояткой в висок, а оказалось лезвием фигачу! Перед глазами поплыли багрово-фиолетовые круги. Наверное, на моей улице праздник сегодня. Тело на мне обмякает. Мужик за сотню с гаком, вгодованная сволочь, не на колхозных же трудоднях отъелся. Пальцы удалось расцепить с помощью бойца. Бой был быстрым, хотя по ощущениям больше часа прошло, но все уложилось в минуты.

Подошел к капитану, как и был, с ножом в опущенной ру-

ке, не в силах с ним расстаться.

Бойцы стаскивают трупы, вяжут душителя – живучий, но ненадолго.

– Раненых перевязать! Вещмешки ко мне, трупы обыскать.

Нормальная такая рабочая обстановка. Горазды чекисты чужую кровь лить и свою не жалеют. Открывают первый сундук – внутри золотые слитки с двуглавым орлом, бумаги. Как же с таким весом уходить? Как говорить, своя ноша не тянет, но жадность фраера сгубила. В отдельной куче – оружие, не хилый такой арсенал – есть с чем Новый Год отпраздновать.

Запах сгоревшего пороха, крови, вонь страха и смерти. Неожиданно поднимает голову Анка – пулеметчица, это же невозможно, но это есть! В ее руке наган. Толкаю капитана, кричу – за Родину! За Сталина! Шутка. Если честно, сука шепнуть успел, потом тупо что-то бьет в бок, последний привет получил! Прижимаю руку к груди, сквозь пальцы кровь. Боли нет. Как задолбали эти феминистки! Накатила слабость, стоять уже не могу. Да пошли вы все на хер, но сознание все равно не потеряю. Кто-то кого-то добивает, на этот раз окончательно и без меня. Не терять сознание! Сильно хочется спать, ну поспать же мне можно?! Уткнулся лицом в дорожную пыль, как в мамину перину. Последняя мысль, которую помню:" Господи, теперь куда?"

Психушка?

Эх, давно я себя так не чувствовал. Перед тем, как открыть глаза, потянуться, выпить с утреца чашечку кофе, заняться интимом с любимой женщиной! А запах! Свежести, дождя, хвои.

Неплохой освежитель воздуха, вечно моя что-то придумает.

Настроение мужики на миллион! А потянуться не получилось, да и вообще, я даже руку поднять не могу. Лоб покрывается холодным потом. Приходит неожиданное понимание того, что сон это, не сон, а кошмар, который переживаю наяву. Боюсь открыть глаза, сыкотно как-то. Вместе с этим врываются звуки. Общаются две тетki и более странного диалога, я еще не слышал. Кроме меня любимого, в комнате медсестричка звякает инструментами, санитарочка домывает пол.

– Вот Ольга Ивановна, домою еще одну палату и домой. Нет, сначала в церковь зайду, свечку за упокой поставлю.

– Николаевна, а Бога нет! – комсомольским и убежденным голосом авторитетно заявляет сестричка.

– Эх молодежь. Намедни, сон мне приснился. Покойный говорит – не переживай так, мне хорошо здесь, только курить хочется. А я, дура старая, говорю – Петенька, я тебе папиросы в гроб положила! – а он мне руку протягивает с пач-

кой – Ну ты же мне их не открыла! – Нет, схожу в церковь, поставлю свечку.

Точно в дурке – в странном месте и разговоры подобные. Недаром говорят, что те кто в этой системе работает, становятся похожими на своих пациентов. Глаза открывать страшно.

– Все страньше и страньше – как говорила незабвенная девочка Алиса, с малопонятной для меня сказки. И вообще не нравится мне это американское кино.

Пошевелиться не могу – значит персонал постарался. А хорошо зафиксированный больной в предварительных уговорах не нуждается. Сейчас будут клизму ставить или ток через меня пропускать, чтоб умнее стал и перестал под себя ходить.

Кстати, как в анекдоте ситуация. " Больной доктору: – Доктор, а ходить я буду? – Обязательно будете, но только под себя!"

Точно в дурке. Родственнички подсустились. Хотя нет, что за бред в голову лезет. Родственников богатых нет, а с женой живем честно – откуда деньги! Опыты свои последователи Гиппократы не ставили, пол в комнате домыли. Снова стало тихо. Любопытство – великая вещь. Открываю глаза, нет, не так – открылся только один – левый. И шо я вижу? Шикарная палата, потолки метра три с чем-то, еще одно койко-место. Огромное окно, выход на балкон. А там сосны и идет дождь. И все настоящее. Да нет же у нас с супругой

таких денег! А может я кого-то из богатеньких спас и это в качестве благодарности, так сказать, раненому герою?

Потихоньку осматриваюсь дальше. И знаете, спать так хочется, видать шо-то вкололи. На стенах проводка наружная, шо за приколы, такую в старых домах видел, сейчас в нашей истории, так не делают. И опять же черная тарелка репродуктора на стене. Сколько же ты меня будешь преследовать?! Все, засыпаю. Фраза нравится – химическое безразличие. Сплю.

Друг

На следующий день пришло понимание того, что попал я в 1937 год окончательно и бесповоротно.

Если умру – я буду свободен. Но где мы будем потом, кто знает. Я не знаю. И даже если я буду "нигде" и "никто", это даст мне возможность отдохнуть от людской подлости, зависти, не знать предательства. Разве этого мало? Да, это поистине будет царский подарок!

В той, своей прошлой жизни я потерял семью. Ребенок уже взрослый, он сам разберется. Советы давать бесполезно, пока собственных шишек не набьет – мудрее не станет. Жена, жена...

Забудет и полюбит другого?

Она достойный человек и это один из вариантов для нее.

Свою семью я потерял. Какая разница 37ой или реальное время? Что может быть ценнее семьи?

Родина, цвет вашего флага? Ну что ж, кому как.

А может быть вера, вера в высшую справедливость, вера в любовь?

Знаете, чтобы и через десять лет как в первый раз.

Вы помните свежесть первого поцелуя? Робкие касания руки любимого человека? Первый совместный поход в кино, и задний ряд, а как фильм называется, не важно, помните? Представьте, что вы сохраните это на всю свою жизнь и ни-

кто, слышите, никто вас не предаст!

Лечат меня в 311 воинском госпитале. Лечащий врач, извините, военврач – милейший человек. Меня здесь называют ранбольной, а мне это кажется смешным.

Сломаны два ребра, дышать больно, вздохнуть глубоко невозможно. Сквозное ранение, пуля прошла навывлет, по моему так.

Сегодня меня навещала мама. Стыдно признаться, но ничего не чувствую к этому человеку. Да, можно вести себя вежливо, с заботой и вниманием. Но разве вы обманите материнское сердце? Да, можно списать это на ранение, по голове получил – изменился. Но разве можно предать эти любящие глаза? Обмануть их ожидания? В той жизни я был немногим старше моей сегодняшней мамы.

И все же, в первую очередь, благодаря этому человеку, мне снова захотелось жить, поверить в людей. И может быть появится смысл, и может быть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.